

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
февраль 1981 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ БУДДИЗМА С ГОСУДАРСТВОМ В ЯПОНИИ
В ПЕРИОД МУРОМАТИ (XIV-XV вв.)

Одной из характерных особенностей японского буддизма с самого начала являлся его тесный контакт с официальной властью. Начиная с VII в. буддийские церемонии стали неотъемлемой частью придворного ритуала. В 684 г. был издан указ, предписывавший возведение в каждой провинции буддийского храма (кокубуддзи), но в целом буддизм периода Нара был аристократическим, и влияние его распространялось почти исключительно на императорское окружение. Тесные узы, связывавшие буддизм со двором, неизбежно вовлекали его в придворные конфликты.¹

Появление в эпоху Хэйан (IX-XII вв.) еще двух буддийских школ Тэндай и Сингон вызвало резкое сопротивление со стороны приверженцев других направлений, что объяснялось не столько религиозными, сколько материальными мотивами. Распри с другими школами, а также внутри самой Тэндай привели к возникновению в конце IX в. уникальной (а с точки зрения ортодоксального буддизма — немисливой) организации монахов-воинов (сохэй). Оплот Тэндай — гора Хэй превратилась в военный лагерь, откуда тысячи вооруженных монахов совершали набеги на императорскую столицу Киото.²

Другая школа Сингон, обосновалась на горе Коя и, стараясь не вмешиваться в политические дела, проповедовала мистическое учение тантрического толка. Устраиваемые ей пышные церемонии впервые начали привлекать к себе широкие народные массы, которые до этого довольно равнодушно относились к мало им понятному буддийскому учению. Однако, их привлекали не метафизические проблемы, а зрелищные аспекты ритуала Сингон.

Только в XIII в. с появлением новых школ Дзёдо, Нитирэн и Дзэн буддизму удалось по-настоящему проникнуть в народную среду. В силу различных причин, эти школы вели активную религиозную деятельность в провинциях и оказались более понятными и приемлемыми для крестьян, чем буддизм периодов Нара и Хэйан.

В Японию проникло из Китая два направления школы Дзэн: Риндзай и Сото. Родоначальником первого был Эйсай (1141-1215), а второго — Догэн (1200-1253). Первый дзэнский храм был основан Эйсаем в 1191 г. Монахи школы Тэндай, опасаясь появления нового конкурента, пыта-

лись добиться запрета Дзэн, но Эйсай удалось завоевать расположение сёгуна Минamoto Ёриэ, и тот назначил его в 1202 г. настоятелем храма Кэнниндзи в Киото. Однако, Эйсай пришлось пойти на компромисс и допустить существование в храме также священников школ Тэндай и Сингон. В 1214 г. по приказу сёгуна Эйсай основал в Камакуре новый дзэнский храм Дзёфукудзи, после чего начался быстрый рост популярности дзэн в среде самураев. Они, а не аристократы, являвшиеся к тому времени большинства своих привилегий, и являлись основными приверженцами направления Риндзай. На протяжении периода Муромати это направление пользовалось финансовой и политической поддержкой всех сёгунов династии Асикага. Сложилась система "пяти монастырей" (годзан), настоятели которых назначались сёгуном. Включение дзэнских монастырей в феодальную структуру неизбежно привело к бюрократизации внутренней монастырской системы.

Особенно много для установления прочных отношений между дзэн и правительством сделал Мусо Сосэки (1275-1351), личный духовный наставник сёгуна Асикага Такаудзи. В 1325 г. по его предложению впервые после почти пятисотлетнего перерыва в Китай было направлено официальное посольство, а в 1339 г. - первое торговое судно. Усилиями Мусо направление Риндзай превратилось в основную и единственную официальную идеологию периода Муромати.

В отличие от школ Дзёдо и Нитирэн, проповедовавших искренность веры и возможность спасения при помощи других сил (тарикки), что притягивало к ним огромные массы простого крестьянства, Дзэн считавший, что освобождения можно достигнуть только личными усилиями (дзирикки), был более привлекателен для гордых и независимых самураев. К этому времени часть старых школ вообще исчезла, другие пришли в упадок. Школа Тэндай превратилась в мощную военную силу, поэтому предпочитала отстаивать свои принципы при помощи оружия. Школа Нитирэн, после чрезвычайно активных, но безрезультатных попыток ее основателя убедить сёгуна в истинности ее учения и добиться запрета всех прочих буддийских школ, приступила к вербовке сторонников в провинции. В XIII-XIV вв. в недрах школ Тэндай и Сингон сформировалось своеобразное направление Сюгэндо, представлявшее собой соединение некоторых элементов буддийского учения с даосскими и синтоистскими. Последователи этого направления - ямабуси стремились к достижению сверхъестественных способностей при помощи аскетической практики в горах. Апеллировали они к доверчивому народному сознанию: некоторые были бродячими священниками, другие селились в бедных деревушках, где не только занимались устройством религиозных празднеств, но и выступали также в роли заклинателей,

прорицателей и колдунов.³ По стране бродили отдельные представители разных школ и направлений, обличавшие порочность монастырской практики и призывавшие вернуться к "незагрязненному учению Будды". В их числе были и некоторые представители ставшего официальной идеологией сёгуната дзэнского направления Риндзай. В щедром покровительстве властей они первыми увидели те признаки болезни, которая начала разъедать дзэн, не приспособленный быть инструментом в руках правительства. Дзэн постепенно утратил те качества, которые привлекали в нему наиболее одаренных людей феодальной эпохи: бескомпромиссность, непосредственность, искренность и свободу, ибо являлся одной из немногих альтернатив феодальному порядку. Наиболее честные и последовательные приверженцы Дзэн пытались личным примером наставлять других и удерживать от союза с властями. Одним из таких подвижников был Иккю (1394—1481), героем многих народных легенд, прославившийся своим странным поведением.

Иккю принадлежал к направлению Риндзай, но в своих поэтических и прозаических сочинениях он не устал обличать своих соотечественников по вере. Он отказывался жить в монастырях и, подобно "безумному облаку, гонимому безумным ветром", бродил по Японии. В 1438 г. в годовщину смерти своего наставника Касо он прибыл в храм Дайтокудзи. Увидев обилие дорогих подарков от прихожан и роскошную жизнь монахов, Иккю написал на стене стихотворение:

Все, что было у меня, оставил в келье.

Черпак и шумовку на стену повесил.

В подобных вещах не нуждаюсь больше:

Мое имущество — шляпа, плащ и ветер.⁴

Другое стихотворение он послал Ёсо, настоятелю храма Дайтокудзи, которого Иккю считал человеком недостаточно честным и неоднократно его высмеивал:

Десять дней в вашем храме — подыхал от скуки.

В длинных красных нитях запутались ноги.

Если буду вам нужен, впредь меня ищите

В рыбных лавках, кабаках и борделях.⁵

Не отличавшийся строгим соблюдением буддийских заповедей Иккю, тем не менее, являл собой пример истинного последователя Дзэн. Ему было чуждо лицемерие, и он во всем старался следовать принципу спонтанности и естественности. "Хотя Иккю часто совершал недзэнские поступки, он, несомненно, был дзэнским монахом и мог позволять себе это только потому, что вера его была непоколебима".⁶

С горечью и грустью смотрел Иккю на выхолащенное учение Дзэн, обличал духовенство и отказывался от любых контактов с государством. Когда на склоне лет по приказу императора ему все же пришлось стать настоятелем храма Дайтокудзи, он сложил стихотворение:

Ученики Дайто истощили его светильник,
Им не постичь мелодию ледяной ночи.

Пятьдесят лет бродил в соломенном плаще и шляпе,
Сейчас мне грустно и стыдно в этом фиолетовом платье.⁷

Точно так же и Догэн, получив от императора фиолетовое платье, которое полагалось носить настоятелю монастыря, написал:

Пусть мала долина Эйхэдзи,

Тягостен-тягостен императорский указ.

Как будут смеяться журавли и обезьяны

При виде старика в фиолетовом платье.⁸

Между двумя направлениями Дзэн: Сото и Риндзай существовали значительные различия и доктринального порядка, но основным все-таки было их отношение к светской власти. Догэн сторонился славы и богатства, категорически отказывался идти на сделку с "сильными мира сего", чем кардинально отличался от Эйсаю. Этим обусловлены и особенности распространения двух направлений Дзэн: в то время, как Риндзай в основном сосредоточилось в Киото и Камакура и пользовалось популярностью среди аристократов и самураев, учение Сото распространилось в центральных, северо-восточных и юго-западных провинциях и встречало поддержку главным образом у сельского населения.

Таким образом, в период Муромати в основном сформировалось отношение японцев к буддизму. С одной стороны, существовал буддизм аристократии и самурайства (дзэн направления Риндзай, отчасти Сингон и Тэндай), который пользовался поддержкой официальной власти и потому, после смены идеологии в эпоху Токутава, утратил влияние, пришел в упадок и уже никогда не смог вернуть своего бывшего величия. Кроме того, проповедываемые этими школами интеллектуальные и эзотерические учения никогда не пользовались популярностью в среде народа.

С другой стороны, школы Дзёдо (амидизм), Нитирэн, Дзэн направления Сото и синкретическое движение Сигэндо процветали прежде всего, благодаря активной поддержке широких народных масс. Они пользовались поддержкой не только крестьян, горожан, ремесленников, торговцев, но даже париев — эта и хинин (в первую очередь — Дзёдо и Сигэндо). В значительной степени это объяснялось простотой их доктрин, способностью включать в себя элементы народных верований,

глубокостью и активной благотворительной деятельностью.

Для японского буддизма было характерно разнообразие школ и направлений, возникавших как реакция на официальную идеологию, причем основной акцент делался на практическую деятельность, а не на буддийскую философию. Росту популярности той или иной школы во многом содействовала деятельность энергичных одиночек, обличавших пороки церковной системы и являвших собой пример искренней веры.

Когда в период Токугава правительство приняло конфуцианскую идеологию, оно прекратило оказание буддизму какой-либо серьезной поддержки (хотя и не преследовало его), и он на долгое время погрузился в спячку. В то же время токугавский режим считал целесообразным превратить буддийскую церковь и само учение, пустившее прочные корни в народном сознании, в одно из звеньев полицейского аппарата. В 1614 г. был опубликован указ, согласно которому, каждый японец должен был посещать храм того прихода, где он проживал, независимо от того, к какой школе принадлежал этот храм. Это затормозило дальнейшее развитие школ и не позволило им оформиться в мощные религиозно-политические организации.⁹ Только в конце XIX в., после свержения режима сёгуната буддизм вновь приступил к активной деятельности, и, как показывает современная статистика, именно школы, в свое время сделавшие ставку на народные массы и не пошедшие на союз с правительством, выдержали проверку временем и в наши дни являются наиболее многочисленными.¹⁰

1. Хорошо известен пример с буддийским священником Докё, который в правление императрицы Сётоку-тэнно (765-769) пользовался ее безграничным доверием и принимал активное участие в борьбе за императорский престол. (см. Ch.Eliot, Japanese Buddhism, L., 1964, с.226-227).
2. Подробнее см.: G.Renondeau, Histoire des moines guerrier du Japon. (Bibl. de l'Inst. des Hautes Etude Chin., t.XI, Paris, 1957).
3. Hori Ichiro, On the Concept of Hijiri (Numen, vol. V, fasc. 3, 1958), с.231-232.
4. Фурута Сёкин, Иккю, Токио, 1944, с.II.
5. Там же.
6. Там же, с.4I.
7. Там же, с.I7.

8. Watanabe Shoko, Japanese Buddhism, Tokyo, 1970, с.50.
9. С.А.Арутюнова, Г.Е.Светлов, Старые и новые боги Японии. М., 1968, с.72-73.
10. В 1980 г. численность верующих по школам была следующей: Тэндэй - 780 091, Сингон - 3 032 743, Дзэн направления Риндзай - 2 362 466, последователи всех старых школ периода На-ра - немногим более 150 000; в то время как Дзэн направления Сото - 6 758 466, Дзёдо (вместе с родственной ей Дзёдо Син) - 17 849 738, Нитирэн (вместе с Сока-гаккай) - 12 290 186. (См. Saunders, E.Dale. Buddhism in Japan, Philadelphia, с.297-299).

С.Г.Кляшторный

ИМУЩЕСТВЕННАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ОБЩИНЕ

(по данным рунических памятников)

Древнетюркская община VI-VIII вв. (türk qara qamaу bodun "весь целиком тюркский народ"), как и родственные с ней общины древних уйгуров (VI-IX вв.) и енисейских кыргызов (VIII-XI вв.), была территориальным объединением группы этнически родственных племен, идеологическая связь которых определялась искусственной генеалогией, а политическое единство - общей военно-административной организацией (el) во главе с ханом (qan, qaуan) и общими правовыми нормами (törü). Родо-племенная (bodun) и политическая (el) организации взаимно дополняли друг друга, определяя плотность и прочность социальных связей; хан "держал эль и возглавлял бодун" (E 45, стк. I).¹

Высшим сословием древнетюркской общины были беги (türk begler), аристократия по крови, по праву происхождения из рода, особый статус которого в руководстве делами племени считался неоспоримым, освященным традицией. Элитой аристократии по крови был в Тюркском эле каганский род Ашина, а в государстве уйгуров - каганский род Ягмакар. Вместе с несколькими другими знатными родами, иерархия которых была общеизвестна и общепризнана, они составляли верхушку, правящую делами своей общины, наиболее привилегированную часть сословия бегов. Другим сословием той же общины был igil qara bodun "простой народ". Фиксируемые руническими памятниками случаи обострения сословных или межплеменных отношений внутри об-